

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕЗАВТРА

Сегодняшнему читателю, думаю я, уже слабо помнится, как несколько лет назад на просторах печатных страниц полыхала грандиозная литературная битва. Писатели, как водится, враждовали между собою — и один на один, и стенка на стенку, «лагерями», но я не эту извечную битву имею в виду, а ту, что вела русская литература в целом, исполняя главную свою задачу — защищать человека. Она ведь его всегда от чего-нибудь защищает. В данном случае — многие десятилетия — от деспотии никем не выбираемой власти, от насилия ложных догм, от зомбирования. Образно говоря, бои шли за каждый двор и каждую подворотню, сражались даже и не за Слово, а за намек, аллюзию, эзопово иносказание, за невидимую миру, но видимую цензору слезу. Сражались в заведомо безнадёжной, в проигранной ситуации, — но так, случается, и побеждают истинные бойцы. Ситуации меняются, диктаторы и узурпаторы имеют похвальное обыкновение когда-нибудь да помереть, системы, называющие себя вечными, тоже смертны, даже — по выражению Воюанда — «внезапно смертны». С победой демократии литература тоже отпраздновала свой триумф; замученная указаниями и постановлениями, иссеченная купюрами, она выпрямилась наконец-то во весь свой рост, она выложила перед читателем и подлинные свои тексты, и все то, что накопила в ящиках столов, в самиздатах и тамиздатах, — и несколько лет страна, кажется, только и делала, что читала, читать стало интереснее, чем жить.

К такой необъятной свободе литература, «инженерия человеческих душ», не была готова и позволила себе упасть в эйфорию. От главной своей задачи она не отреклась, она ее посчитала выполненной. И так сошло, что великая держава перестала бриться оружием, и мир вроде бы стал однополюсным, а значит, безугрозным и неопасным, и подоспел Фукуяма со своей гипотезой о конце истории, тотчас раскрученной подхватчивыми перьями, и модным сделалось так полагать, что литературе только на пользу сопротивление и притеснение, без этого она утрачивает силу воздействия и умирает. На самом деле мир однополюсного не существует (а если б стал такой, почему б нам тогда не снять пограничную стражу и не слиться нашими просторами с Шенгенским пространством Европы? Ведь все равно не удержали капиталы от перемещения, а мозги от утечки, и встречно не удержали «тлетворного влияния Запада», именно тлетворное и приняли к сердцу). Просто-напросто полоса изменили свое расположение, и раздельный рубеж пролегал по другим долинам и взгорьям. На месте же прежних рубежей образовался типичный «пейзаж после битвы» — а на такой пейзаж, как известно, тотчас слетается всевозможная кикимора. Кто только не овладел полем минувшей брани: модернисты и постмодернисты, авангардисты и концептуалисты, обиженный комплексующий андерграунд и «литературная литература». Все это называлось: «поиски новых форм», но как раз нового-то мы и не увидели ни разу, все напоминало попытки еще раз намалевать знаменитый «Черный квадрат». Но его можно намалевать лишь однажды, после него и черный треугольник или ромб останется плагиатом. А между тем эти поиски обошлись нам дороговато — читателя они напугали и отвратили, и наша традиционная форма общения писателя и читателя — толстый журнал — потерпела урон невосполнимый, утрату миллионного подписчика. Оно, конечно, и бедность тому по-

способствовала, однако же книги все-таки издаются — в невиданном количестве и разнообразии, а если звезды зажигают, то, значит, это кому-то нужно... От главной задачи — защищать человека — «новейшая» литература отступилась легко и без боли, она свой художественный замысел увидела в том, чтобы представить историю и саму жизнь комедией абсурда, а всех нас — обитателями дурдома, но ни комедии, ни тем паче трагедии в этом не было, а только фарс, притом не смешной, вместо горького смеха только хихиканье. За целое десятилетие ничего значительного, памятного не создано, да и не могло быть создано, поскольку «новые формы» (хорошо забытые старые) и не рассчитаны представить мир многомерным, рельефным и цветным, они его намеренно — или по недостатку таланта — представляют плоским и черно-белым, в котором не живые характеры обитают, а социальные маски. К примеру, если пугают нас ужасами революции, «бунтом бессмысленным и беспощадным», то уж ее соблазны изобразить не в состоянии, а без них какая же революция смогла бы победить? Туда же, в область беспроектной хихикающей чернухи, отходит и Великая Отечественная война, и много иных дел, истинно героических, да даже и ГУЛАГ не выглядит страшным, когда мы себя лишаем чувства истории и свое трагическое прошлое оплевываем, понастающему так его и не осудив.

Магия цифры — 2000 — все же не должна заставить нас забыть, что наступающим годом не открываются новый век и тысячелетие, но завершаются уходящие, и значит, время подбивать итоги, прогнозы же делать рановато. Но можно вспомнить, основываясь на богатом опыте прошлого, что все уходы от реализма кончаются покаянным к нему возвращением. Старинное умение интересно рассказывать поучительные истории не убито, оно лишь пребывает в глубоком обмороке, который вот уже скоро кончится. Не из любопытства, но по назревшей потребности осознать, к чему же мы пришли после Августа, заставят нас не завтра, так послезавтра обратиться к прерванному литпроцессу. Другого такого судьи и собеседника, как русская литература с ее великими традициями, у нас не будет. Поэтому можно предсказать уверенно: будущее — за тем же традиционным «изображением жизни в формах самой жизни». Либо — мы не хотим себя понять, и не будет литературы никакой. Но такого глубокого вакуума человечество долго не выдержит. Ни телевидение, ни компьютер с Интернетом не заменят книги, с которой общаешься наедине, как «синема» не заменила театр. Так что в одно прекрасное утро XXI века мы проснемся выздоровевшими и бодрыми, как после кризиса, и скажем с облегчением:

— Литература продолжается! ■